

Из-за истории с отравленной едой список финалистов пока не утвердили, и решающий тур перенесли на завтра.

Когда Цзянь Нань вышел из здания, где проходили съёмки, солнце уже клонилось к закату. С тех пор как прошла та сильная метель, в городе А постепенно потеплело. Небо полыхало оранжево-алым, словно кто-то пролил по нему расплавленное золото — ослепительно и красиво.

Зазвенел телефон.

— Дзынь-дзынь-дзынь...

Неподходящий для этого тихого вечера рингтон резанул слух. Цзянь Нань вытащил телефон и, увидев имя на экране, невольно замер.

Дунфан Циюнь.

Мать Ли Чуаня. Ещё совсем недавно — его свекровь. А теперь, пожалуй, бывшая.

Он немного помедлил, потом всё же нажал на кнопку приёма вызова:

— Алло.

— Нань-нань, — мягкий, тёплый голос Дунфан Циюнь донёлся из трубки. — Ты так давно не заходил. Что случилось, всё работаешь без отдыха?

Цзянь Нань сжал губы. Он не знал, рассказал ли Ли Чуань семье о разводе, и потому лишь уклончиво ответил:

— Да... немного занят.

Дунфан Циюнь мягко улыбнулась:

— Шоу, в котором ты сегодня записывался, я тоже смотрела. Наверное, уже закончили, да? Мы с папой так соскучились по тебе. Блюдо, которое ты приготовил, — просто чудо! Муж всё утро только о нём и говорит. Ты где сейчас? Хочешь, я пришлю за тобой машину?

Когда Цзянь Нань вышел из здания, холодный зимний ветер коснулся лица. Воздух был прозрачным, в нём уже чувствовалось предвестие весны, но всё ещё сохранялся тот особый морозный привкус. У него немного защипало в носу; он моргнул, чтобы сдержать нахлынувшие чувства, и тихо ответил:

— Да, хорошо.

Он отключил телефон.

Дунфан Циюнь, всё ещё держа трубку, тяжело вздохнула.

С другой стороны комнаты Ли Жэнь, её муж, сидел с газетой и поднял взгляд:

— Что такое? Нань-нань не придёт?

— Придёт, — Дунфан Циюнь выглядела обеспокоенной. — Только вот голос у него какой-то... Сегодня ведь они с Чуань-чуанем вместе на съёмках были, а теперь — он один.

— Не лезь в дела молодёжи, — спокойно отозвался Ли Жэнь, переворачивая страницу.

Дунфан Циюнь сверкнула на него глазами:

— Ты ничего не понимаешь! Нань-нань — замечательный парень, искренний, добрый. А твой сын со своим язвительным характером... Кто ещё, кроме Нань-наня, выдержит его? Где он найдёт себе такого, скажи?

— Да-да, конечно, — примирительно пробормотал Ли Жэнь.

— Нет, так дело не пойдёт, — чем больше Дунфан Циюнь думала, тем сильнее хмурилась. — Надо что-то придумать, чтобы их помирить.

Ли Жэнь лишь покачал головой.

Ну и ладно, если жена счастлива — пусть плетёт свои интриги.

Когда Цзянь Нань приехал, солнце уже почти скрылось за горизонтом. Он помнил, что дядя Ли обожает заварной торт, поэтому первым делом направился прямо на кухню.

Но Дунфан Циюнь перехватила его у дверей:

— Нань-нань, подожди, иди-ка сюда. Мама хочет с тобой поговорить.

Она завела его в кабинет и усадила рядом, глядя на него с видом заговорщицы.

— На самом деле, — начала она, — мама позвала тебя сегодня не просто так. Есть кое-что, что я хочу тебе рассказать.

У Цзянь Наня кольнуло под рёбрами. Он попытался сохранить спокойствие:

— Что такое?

— Вот в чём дело, — мягко улыбнулась Дунфан Циюнь. — Когда Ли Чуань регистрировал паспорт, по разным причинам ему ошибочно записали возраст и день рождения — на месяц раньше. Ты ведь не знал, да?

Цзянь Нань впервые слышал об этом.

Дунфан Циюнь мягко сжала его ладонь:

— Вообще-то, по документам у него день рождения в следующем месяце. Но на самом деле — послезавтра.

Цзянь Нань кивнул, словно понял:

— Вот как, значит...

Но при чём тут он?

Теперь он всего лишь бывший супруг. Ли Чуань никогда его по-настоящему не любил.

Дунфан Циюнь, с сияющими глазами, продолжала свои недвусмысленные намёки:

— Уже поздно, останься сегодня у нас. У мамы тут есть две бутылки хорошего вина — возьми их. Через пару дней, когда у Чуань-чуаня день рождения, посидите вместе, выпейте. Не переживай, вино лёгкое, зато настроение создаёт чудесное.

Цзянь Нань растерянно улыбнулся:

— Спасибо за заботу, но... насчёт вина, наверное, не стоит...

— Что за глупости! — Дунфан Циюнь нарочно нахмурилась. — Думаешь, я старая дура, лезу не в своё дело?

Цзянь Нань поспешно покачал головой:

— Конечно нет.

— Вот и славно, — тут же просияла она. — Пойдём, мама поможет тебе приготовить торт.

Она увлекла его вниз по лестнице. По дороге Цзянь Нань мельком подумал, что неплохо бы позвонить Ли Чуаню и предупредить, что он заедет. Но он, как назло, не отвечал.

Семья Ли всегда относилась к нему с добротой.

Когда они поженились, уже пожилой дед специально поднимался в горы, чтобы помолиться за них и попросить благословение.

Свёкор и свекровь относились к нему с такой теплотой и пониманием, каких он не получал даже от собственных родителей.

Цзянь Нань всегда считал это настоящим счастьем.

Но только теперь понял — оно не для него.

— Останешься на ночь, — сказала Дунфан Циюнь, передавая ему две бутылки. — Возьми, а завтра, уходя, не забудь.

Цзянь Нань беспомощно усмехнулся, крепко прижимая вино к груди, и послушно кивнул.

В доме всё ещё сохранялась гостевая комната — та самая, что когда-то предназначалась для него.

Было уже поздно. Цзянь Нань зашёл внутрь: у дальней стены тянулось огромное окно до пола, за которым раскинулось ночное небо, усеянное звёздами.

Он опустил у окна и невольно вспомнил всё, что произошло за день — съёмки, разговор, лицо

Дин Мо, и те мимолётные мысли о призраках, витающих по свету.

Смерть ведь не страшна сама по себе.

Куда страшнее одиночество.

Страшнее то, что не можешь отпустить обиды и сожаления, и именно они делают из мёртвых — злых духов, ищущих расплаты.

Почему же он сам не стал таким?

Наверное, потому что в его сердце всё ещё теплилось что-то тёплое.

Пусть он — холодный, бесплотный призрак, но внутри всё ещё жило это крошечное пламя, и в нём — Ли Чуань.

И пока оно не угасло, он мог существовать.

Чем дольше он думал, тем сильнее путались мысли.

Он взял одну из бутылок, откупорил её.

Всё равно через пару дней Ли Чуань не станет с ним пить.

Так уж лучше напиток в одиночестве — до забвения.

Вечером, услышав звонок, няня Ли пошла открыть дверь.

У входа стоял Ли Чуань.

— Мать звонила мне, говорила, что ей плохо. Как она?

Няня улыбнулась:

— Входите, пожалуйста.

Ли Чуань был слишком умен, чтобы не понять, что с его матерью всё в порядке. Наверняка она просто решила устроить какую-то сцену, как это часто бывает.

Няня продолжила:

— Госпожа сегодня осталась дома. Не сердитесь на неё, она просто хочет, чтобы вы побыли с ней.

Ли Чуань небрежно поправил свой воротник, слегка замедлившись в движении:

— Понял.

Няня немного успокоилась:

— Она уже уснула, а ваш муж в гостевой комнате.

Ли Чуань кивнул:

— Мм.

Время было уже за десять, и он приказал няне отдыхать. Подойдя к двери гостевой комнаты, он прислушался. Внутри было тихо, скорее всего, он уже спал.

Ли Чуань замедлил шаг, но всё же решил оставить Цзянь Нань в покое и позволить отдохнуть. Он уже собирался уходить, как вдруг его острые чувства уловили едва заметный запах алкоголя в воздухе.

Алкоголь?

Он постучал в соседнюю дверь.

— Цзянь Нань.

В ответ тишина. Ли Чуань нахмурился и, не колеблясь, открыл дверь. Он не хотел, чтобы что-то случилось в доме без его ведома.

Когда дверь распахнулась, запах алкоголя стал очевиден. Цзянь Нань сидел у окна на полу, вокруг него валялись пустые бутылки. Он был в таком состоянии, что можно было бы назвать его пьяным до бессознательности.

— ...

Ли Чуань подошёл к окну, толкнув бутылку ногой.

— Откуда здесь вино?

Цзянь Нань, сидящий на полу с подогнутыми коленями и уткнувший лицо в руки, тихо пошевелился. Через несколько секунд он осторожно поднял голову. В комнате не горел свет, а его лицо было залито слезами, глаза красные, а сам он весь сжался, как жалкий, несчастный кролик.

Цзянь Нань, чуть хриплым голосом:

— Ли Чуань?

Ли Чуань смотрел на него сверху вниз:

— Мг.

К удивлению, Цзянь Нань резко вытер слёзы, пока не почувствовал, что они не видны, после чего остановился. На его лице появилась ослепительная улыбка, вероятно, из-за пьянства, он просто улыбался и молчал.

Ли Чуань присел рядом с ним, удивительно терпеливо. Он редко бывал таким спокойным.

— Я помню, ты в детстве никогда не плакал.

Цзянь Нань немного растерялся, но через несколько секунд ответил:

— Я просто не плакал перед тобой.

Каждый раз, когда он плакал, Ли Чуань становился настолько раздражённым, что он просто перестал показывать свою слабость.

Ли Чуань стиснул губы и, несмотря на свою привычную небрежность, стал серьёзным:

— Почему?

Цзянь Нань вздохнул, опустив голову:

— Я знал, что ты не любишь слабых людей.

— Так ты специально меня избегал? — Ли Чуань слегка замедлил речь, уголки губ искривились в усмешке. — Ты говоришь, как будто я тебя мучил.

На самом деле это было так.

С самого детства он не любил, когда Цзянь Нань плакал.

Каждый раз, когда тот начинал рыдать, Ли Чуань чувствовал досаду и беспокойство.

Цзянь Нань поднял голову. Его глаза были такие чистые, как после дождя, и он произнес:

— А ты ведь всегда любил обижать людей.

Ли Чуань был готов просто посмотреть и уйти, но сейчас решил остаться. Он сел на пол, расслабленно развалившись.

— Ты, похоже, что-то обо мне думаешь, товарищ.

Цзянь Нань скривил губы и вытер лицо ладонью.

— Нет.

— Правда? — Ли Чуань наклонился, поддразнив его. — А тогда почему плачешь?

Цзянь Нань попытался вспомнить, почему он вообще начал плакать.

Алкоголь действовал, голова становилась всё более затуманенной, и вскоре накатила усталость, так что он больше не мог думать и просто закрыл глаза.

В комнате снова воцарилась тишина.

Ли Чуань сидел, молча наблюдая за ним, и видел, как тот, сидя у окна, наконец заснул. На его лице всё ещё виднелись слезы, брови сдвигались в мучительном выражении, даже во сне не

отпуская его беспокойства. Лунный свет мягко проникал в комнату через окно, создавая атмосферу невообразимой нежности.

Ли Чуань невольно вспомнил вопрос Дин Мо:

“Теперь ты понимаешь, кто такой Цзянь Нань?”

Кто он?

Просто ребёнок, который так и не вырос.

Примечание:

Ли Чуань:

— В детстве я всегда любил его дразнить, но как только он начинал плакать, я начинал нервничать.

Друг:

— А сейчас?

Ли Чуань:

— Теперь всё по-другому.

Друг:

— Правда? [видимо, совесть не совсем потеряна]

Ли Чуань усмехнулся:

— Сейчас тоже дразню, но когда он плачет в постели, мне становится даже... интереснее.

Друг:

— ...

<http://bllate.org/book/12642/1121257>